

ПОЗВАТЬ РАМЗАНА

Российские региональные
лидеры выходят на
авансцену внешней
политики

ИВАН СУХОВ

Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров получил медаль «За освобождение Крыма». Кроме него был награжден еще краснодарский губернатор Александр Ткачев. Это награждение было крымской инициативой, но на федеральном уровне чеченского лидера тоже хвалили и поощряли — главным образом после того, как он объявил о своем деятельном участии в репатриации двух задержанных в Украине по подозрению в контрабанде оружия журналистов телеканала «Лайфньюс». Тема «кадыровцев», находящихся среди так называемого ополчения Донецкой республики, неделями не сходит с газетных полос. Спустя 150 лет после окончания Большой Кавказской войны Чечня вдруг оказалась в авангарде российского имперского ренессанса. Словно бы недалек момент, когда стилизованные черкески — или, на более современный лад, аккуратные бороды и полевой камуфляж — замелькают в почетном карауле первого лица государства, как когда-то горский эскадрон в конвое государя-императора.

Рамзан Кадыров постоянно заявляет, что он простой пехотинец президента Путина

Чеченский фокус

Наличие вооруженных чеченцев среди так называемых ополченцев ДНР интересовало всех гораздо дольше и больше, чем роль чеченского лидера в освобождении журналистов «Лайфньюс». Интерес к этой теме столь высок потому, что она, как и весь запутанный сюжет с украинским юго-востоком и история присоединения Крыма, — про те пределы, до которых Россия готова играть роль империи. И продолжать быть ею.

Чеченцы — это фокус сюжета об идее империи в новейшей российской истории: полтора десятилетия войны сепаратистов против федерального центра, а потом внешний триумф центра. Который, впрочем, не был бы возможен, не встань на его сторону часть вчерашних сепаратистов. Триумф, одной из мер выражения которого стали лояльные чеченские части из бывших боевиков, чуть ли не претендующие на статус лучшего, что есть в российской армии и полиции.

Эти вчерашние сепаратисты, вставшие на сторону империи, выполняют, как следует из множества разоблачительных публикаций (и как они, вероятно, считают сами), важную имперскую миссию, поддерживая сепаратистов сегодняшних на украинском юго-востоке. Когда сепаратизм возникает у соседей, стремящихся сократить свою зависимость от бывшей метрополии, он превращается в освободительное антифашистское дви-

74 тыс.
чеченцев

**ГОТОВЫ,
ПО СЛОВАМ
РАМЗАНА
КАДЫРОВА,
ВЫЛЕТЕТЬ
В ЛЮБУЮ
ТОЧКУ
УКРАИНЫ И
ВЫПОЛНИТЬ
ТАМ ЛЮБОЙ
ПРИКАЗ СВО-
ЕГО
ГЛАВНОКО-
МАНДУЮ-
ЩЕГО — Т.Е.
РОССИЙСКОГО
ПРЕЗИДЕНТА**

жение. Мы помним, как этот нехитрый алгоритм запустил целый ряд кровавых конфликтов при распаде СССР, когда союзный центр заигрывал с этническими автономиями, пытаясь сыграть на понижение республиканских элит.

Чеченцы для «пятой колонны»

Россия официально не присутствует на украинском юго-востоке, но отрицать наличие там российских граждан, в том числе и вооруженных, уже как минимум странно. Многие из этих граждан, скажем так, являются представителями российского военного сословия. Часть чеченцев с опытом локальной войны высокой интенсивности тоже относится к российскому военному сословию, поэтому удивляться появлению на юго-востоке Украины людей, говорящих с чеченским акцентом, тоже странно.

Чеченский лидер подчеркивает, что они находятся там исключительно по собственной инициативе, — и так и будет, пока официальная Москва не понимает, что на самом деле делать с этой юго-восточной вольницей, собравшей, как светильник на летней веранде, целый рой самых разнообразных деятелей. Судя по затянувшейся двусмысленной паузе, получить медали за украинский юго-восток будет не в пример сложнее, чем за

Крым. Но если вдруг политика руководства изменится, 74 тыс. чеченцев готовы, по словам Рамзана Кадырова, вылететь в любую точку Украины и выполнить там любой приказ своего главнокомандующего — т.е. российского президента.

Это сильный образ, имеющий сугубо инструментальное значение. Число 74 тыс. — это, конечно, явная гипербола. Если исходить не из завышенных цифр последней переписи, а из критичных экспертных оценок, это десятая часть всего населения Чечни. Столько не воевало даже на волне сепаратистской эйфории, после того как в августе 1996 года Аслан Масхадов почти отбил у федералов Грозный. Но это внушительная цифра.

Адресована она, похоже, в основном скептически настроенной московской публике, склонной к вредным размышлениям о том, что украинский майдан-де — вовсе не фашистский переворот, а национал-демократическая революция. Еще во времена подъема массового протеста страхи активистов, связанные с возможным командированием в Москву «дикой дивизии» чеченского лидера, распространялись как лесной пожар в засуху.

Простой пехотинец

Представить реальное применение чеченских подразделений на разгоне марша протеста, скажем, в Москве — довольно сложно: это почти наверняка означало бы риск возникновения стихийного сопротивления, окрашенного в цвета русского национализма, в масштабе, терминальном для федеративного устройства страны и для страны как таковой. Но в московском фольклоре недаром еще несколько лет назад появился стишок — «Чтобы не было майдана, позови в Москву Рамзана». Чуткие народные рифмоплеты интуитивно рассматривают лично преданного главе государства чеченского лидера как одну из опор существующего в России политического режима. Режим, который поощряет Рамзана Кадырова, и сам Рамзан Кадыров, то и дело заявляющий, что он простой пехотинец президента Путина, похоже, разделяют эту точку зрения.

Но вот что бросается в глаза: имиджевый выигрыш Рамзана Кадырова пока явно больше, чем выигрыш федерального центра. Можно даже сказать, что Кадыров выигрывает как раз у своих федеральных боссов. Рамзан Кадыров — «пехотинец президента». Чеченские части — украшение российской армии (правда, забывается о том, какие конфликты возникают в частях, укомплектованных не только чеченцами или другими северокавказскими мусульманами, и о том, что лучшие и наиболее боеспособные чеченские части выпестованы отнюдь не Рамзаном Кадыровым, а безымянными русскими кураторами из ФСБ и ГРУ). Чеченские переговорщики — как выясняется,

Чеченские части готовы к любым заданиям

Эта МИССИЯ УВЕЛИЧИВАЕТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕС РАМЗАНА КАДЫРОВА — ПРИЧЕМ ТАКОЙ, КОТОРЫЙ КОНВЕРТИРУЕТСЯ УЖЕ НЕ ТОЛЬКО В РОССИИ, А В БОЛЬШОМ ИСЛАМСКОМ МИРЕ. ПРИМЕРНО ТАКАЯ ЖЕ ИСТОРИЯ ПРОИЗОШЛА С ТАТАРСТАНОМ

опять же при личном участии Кадырова — берут на себя миссию федеральных структур по переговорам относительно задержанных в Украине российских журналистов.

Чечня Рамзана Кадырова порой начинает выглядеть как третья страна, безусловно, союзная по отношению к России Владимира Путина и потому берущая на себя различные неудобные и сложные миссии. Вопросов к Чечне нет — но возникает такой вопрос: почему поднимающаяся с колен держава отдает решение проблем, находящихся в прямой федеральной компетенции, на такой странный аутсорс? Почему вопросом освобождения журналистов заняты не профильные ведомства, а один из региональных лидеров?

Регионалы набирают вес

Строго говоря, история с освобождением журналистов не была внешнеполитическим дебютом чеченского лидера. У него есть определенные сложности с посещением европейских стран и Соединенных Штатов — хотя сам он не упускает случая подчеркнуть, что как российскому патриоту ему не очень-то и хотелось их посещать, — но зато он частый гость в Саудовской Аравии и некоторых других странах Персидского залива. Из российских официальных лиц Кадыров — едва ли

не самый частый гость в этом регионе земного шара. Он представляет там российских мусульман, а также договаривается об инвестициях — причем в обе стороны: саудиты помогают организовать в Чечне правильное исламское воспитание молодежи и вкладывают деньги в грозненские стройки, а чеченцы покупают квартиры в Дубае. Представлять российскую умму в странах Персидского залива — важная федеральная миссия. Правда, не факт, что все нюансы контактов чеченского главы на Ближнем Востоке

понятны, прозрачны и желательны для его федеральных руководителей. Зато неопровержимый факт в том, что эта миссия увеличивает политический вес Рамзана Кадырова — причем такой, который конвертируется уже не только в России, а в большем исламском мире.

Примерно такая же история произошла с другим ключевым регионом: Татарстан на глазах набрал политический вес, выступив в качестве посредника между федеральным центром и крымскими татарами. Механика почти такая же, как в чеченском случае: идея поручить Казани посредничество явно исходила из Кремля и изначально выглядела как весьма конструктивная. В силу разных не слишком удачно сложившихся обстоятельств это посредничество скорее провалилось: крымско-татарский меджлис так и остался в жесткой оппозиции российским властям. Но произошло то, чего Казань ждала чуть ли не полтора десятилетия: ее голос снова стал отчетливо слышен в тюркском мире. Сыграв роль, вроде бы порученную ей Кремлем, Казань уже совершенно самостоятельно заявила о себе как одна из вершин вдруг ставшего актуальным этнополитического четырехугольника: Анкара — Бахчисарай — Казань — Баку. Татарстанская политическая элита на наших глазах вышла на новый уровень, обновив и свою риторику, и свою контактную базу 1990-х годов.

Чечня Рамзана Кадырова

ПОРОЙ НАЧИНАЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ КАК ТРЕТЬЯ СТРАНА, БЕЗУСЛОВНО, СОЮЗНАЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ ВЛАДИМИРА ПУТИНА И ПОТОМУ БЕРУЩАЯ НА СЕБЯ РАЗЛИЧНЫЕ НЕУДОБНЫЕ И СЛОЖНЫЕ МИССИИ

Произошло то, чего Казань ждала чуть ли не полтора десятилетия:

ЕЕ ГОЛОС СНОВА СТАЛ ОТЧЕТЛИВО СЛЫШЕН В ТЮРКСКОМ МИРЕ. ТАТАРСТАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА НА НАШИХ ГЛАЗАХ ВЫШЛА НА НОВЫЙ УРОВЕНЬ, ОБНОВИВ И СВОЮ РИТОРИКУ, И СВОЮ КОНТАКТНУЮ БАЗУ 1990-Х ГОДОВ

Неформальный торг

вместо политического процесса

Трудно сказать, насколько эти эффекты непредвиденны или нежелательны для федерального центра. Очевидно, что, желая сохранить опору на регионы, нужно платить им за их лояльность — вероятно, в том числе и возможностью добиваться международного престижа.

Проблема, пожалуй, в том, что нынешняя схема взаимоотношений центра с региональными элитами скорее неформальна и лежит за простыми и прозрачными пределами конституционного разграничения полномочий. Это логичный результат многолетних усилий центра, направленных на фактический демонтаж федерации и создание унитарных механизмов управления. Процесс унитаризации продолжается и сейчас — именно в этой логике лежат, например, решения о создании уже трех территориальных министерств: Дальнего Востока, Крыма и Северного Кавказа.

При этом есть определенные пределы закручивания унитарных гаек, за которыми интерес региональных элит к поддержке центра может стать исчезающе мал. Решение в виде неформального, лежащего за рамками конституционного разграничения полномочий предоставления региональным элитам определенной свободы маневра опасно именно своей институциональной неопределенностью: неформальные права — как деньги, выданные без расписки, нет способов их контролировать. То, что в реальной федерации является предметом открытого политического процесса, в унитарной конструкции, пытающейся сбалансировать интересы центра и окраин, которым приходится платить за лояльность, становится предметом неформального торга с непредсказуемыми эффектами. Само слово «федерация» происходит от федератов — союзников Римской империи, которая даже в худшие свои годы была, конечно, гораздо более унитарной конструкцией, чем современная Россия. С унитарным управлением все было относительно в порядке. Ровно до тех пор, пока отношения с федератами — сильными пограничными племенами — не запутались окончательно. В какой-то момент — когда в одной хронологической точке сошлись внешнеполитическое давление со стороны Ирана, экономический кризис и демографический провал — федераты Рима стали его опорой и цветом его армии. Федератом был и скир по имени Одоакр — до тех пор, пока не сместил в 476 году последнего цезаря Западной Римской империи Ромула Августула. **МП**